

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Часть I

С.А. Баров

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальной проблеме трансформации внешнеполитической стратегии Китая в Восточной Азии в последние годы. Главной особенностью политики Китая в регионе на современном этапе является превалирование экономических подходов и практическое воплощение концепции «мягкой силы». Китай стремится перенести рассмотрение ряда проблемных вопросов с многостороннего уровня на уровень двусторонний, а также активно противодействует политике США и Японии, стремящихся создать в АТР «антикитайскую коалицию» с перспективой ее институционального оформления в рамках военно-политической организации по типу НАТО.

Ключевые слова: внешнеполитическая стратегия, военно-политическая расстановка сил, экономическая политика, форум в Боао, БРИКС, Китай, США, Япония, Южная Корея, Россия, Тайвань.

Отказ от проведения политики изоляционизма и повышение роли Китая в мировых и региональных делах в последние десятилетия связаны с активизацией китайским руководством своей внешнеполитической деятельности по двум, ключевым для КНР направлениям — в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Если сближение с Россией и среднеазиатскими государствами обусловлено стратегической необходимостью предотвратить проникновение в центральноазиатский регион США и НАТО, создав дружественный блок политических режимов, имеющих общее видение по вопросам военной безопасности и экономического развития Средней Азии, то стремление Китая к доминированию на Дальнем Востоке отражает представление об общеисторическом и культурном превосходстве китайской нации в этом регионе. Народы Японии, Кореи, Вьетнама, Филиппин, Монголии, Малайзии, Таиланда, Бирмы и других стран АТР, действительно, по своим культурно-цивилизационным характеристикам довольно близки китайцам, однако эпоха колониального господства европейских держав и сменившее ее в XX в. гео-

политическое и идеологическое противостояние между СССР и США сделали немало, чтобы термин «китайской цивилизации» перестал трактоваться в расширительном смысле на все государства региона.

Восточная Азия на современном этапе, как отмечает ведущий российский исследователь в области военной безопасности Е. Колдунова, «переживает сложные процессы, которые могут привести к формированию особого регионального пространства, связанного со смежными регионами Центральной и Южной Азии» [7. С. 184].

В этих условиях, условиях глобализации и тотального сближения мира, перед поднимающимся Китаем с новой актуальностью встает проблема восстановления своего некогда утерянного доминирования в восточноазиатском регионе и установления господства на вышеозначенном, еще раз скажем, только образующемся огромном едином пространстве от Каспия до Тихого океана и от российских северных широт до южных австралийских морей.

Подобные цели требуют от китайского правительства проведения активной политики как в региональном, так и в глобальном масштабах, новых инициатив, новых предложений. Стремление сочетать китайские национальные интересы и новую внешнеполитическую стратегию Китая, направленную на формирование мирового полюса влияния в Восточной Азии во главе с КНР, при реализации сталкивается с рядом трудностей и непреодолимых препятствий, но именно оно является сущностным наполнением китайской внешней политики на современном этапе и определяет конкретные действия Китая в регионах Центральной, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии.

Ведущий российский специалист по проблемам Восточной Азии Л. Арешидзе так обозначает основные направления политики КНР в регионе: «главные внешнеполитические интересы Китая в Восточной Азии после окончания „холодной войны“ формировались вокруг следующих задач: во-первых, заполнить стратегический вакуум, образовавшийся после ухода СССР из региона, и закрепить здесь свое лидерство в экономической, политической и военной областях, во-вторых, присоединить Тайвань, полностью исключив возможность объявления его независимости, и, наконец, в-третьих, не допустить резкого нарушения баланса сил в регионе за счет усиления военного потенциала Японии и превращения ее в ядерную страну, в своего стратегического соперника» [1. С. 112].

В выборе своей внешнеполитической стратегии Китай исходит из необходимости проведения сбалансированной и достаточно мирной внешней политики, в контексте так называемой концепции «мягкой силы». Российский исследователь, доцент РУДН Д. Казаринова пишет: «Новый лозунг „гармонии“ позволил китайским властям увязать внутривластическую программу строительства „гармоничного общества“ с внешнеполитической стратегией создания „гармоничного мира“... Китай никогда не навязывает другим странам свой социальный порядок и идеологию, но и не позволяет никому навязывать их социальный строй и их идеологию Китаю» [4. С. 99, 101].

В то же время многочисленные территориальные конфликты с соседними странами, которые до сих пор не урегулированы и периодически обостряются,

порой даже угрожая общерегиональной войной, накладывают тень на имидж Китая как новой мировой державы, чурающейся «силовых методов» разрешения споров и противоречий.

Вслед укреплению экономической мощи (в 2012 г. ВВП Китая достиг уровня 50% от ВВП США, а через 10—15 лет, возможно, раньше, Китай станет первой по влиянию экономикой мира) у КНР неизбежно будет возникать соперничество с Соединенными Штатами в притязаниях на глобальное лидерство. По мнению японского исследователя, профессора университета Цукуба (Япония) Исида Осамы, Китай уже только тем, что является фактически однопартийной страной, в идейно-политической сфере оппонирует Соединенным Штатам с их концепциями прав и свобод человека и демократического политического режима, во внешней политике Китаю также есть, что противопоставить американцам, опирающимся на НАТО в глобальном контексте и в региональном, в Восточной Азии — на военно-политическое партнерство с Японией, Южной Кореей, Тайванем и рядом других стран: Китай представляет концепцию «активной обороны», по сути, призванную противодействовать и даже бороться с американским «гегемонизмом» (См.: [20. Р. 54—55]).

Однако если посмотреть на проблему с точки зрения общечеловеческих ценностей, в китайской внешнеполитической стратегии есть как свои преимущества, так и свои недостатки.

Нужно признать, что США, помимо отстаивания национальных интересов, несут перед миром и некую гуманитарную миссию. Какие бы споры не вызывало ее понимание со стороны руководства США, очевидно, что активная позиция Соединенных Штатов и их союзников способствует повышению демократических стандартов жизни многих народов. Китай же отстаивает принципы «невмешательства» во внутренние дела других стран. В качестве противовеса политики североатлантического альянса такая позиция выглядит логичной, но может ли она быть достаточно ответственной для мирового лидера, для мировой сверхдержавы? Именно непреклонная воля стран западного мира в отношении тоталитарного режима Талибана в Афганистане и ряда авторитарных и дикторских режимов в арабском мире обеспечила антиправительственным силам внутри этих стран необходимую поддержку для свержения недемократических режимов, а как развивалась бы ситуация, если бы единственной мировой сверхдержавой был Китай?

Одно дело — оппонировать мировому гегемону, другое — брать на себя ответственность за всемирное развитие. Российский эксперт, замдиректора Центра азиатских исследований РУДН А. Кутелева отмечает: «грандиозные усилия Китая по развитию собственной „мягкой силы“ дают скромный результат, прежде всего, потому что Китай не может предложить остальному миру ничего в культурном и идеологическом плане: во-первых, китайская модель развития не превратилась в универсальный ответ на вызовы современности; во-вторых, современный Китай не производит универсальные интеллектуальные и эстетические идеи... вне зависимости от того, о чем идет речь — об образовании, о популярной культуре, о политических теориях, об экономическом сотрудничестве или о геополитиче-

ском союзе — большинство людей во всем мире, имея возможность выбирать, все-таки предпочтут Запад, а не Китай» [9. С. 17—18].

В отличие от Советского Союза и США Китай к своей модели миропонимания не прилагает конкретного политического подхода. Если в экономике китайское руководство выступает за «открытую торговлю» и экономическую глобализацию, то в политической сфере можно говорить либо об отсутствии выработанного идейно-политического видения путей развития мира, либо о негласной поддержке правящих режимов абсолютного большинства других стран, вне зависимости от их внутривнутриполитических установок.

В то же время в восточноазиатском регионе позиция Китая является гораздо более определенной и настойчивой, чем, например, на стратегически важном для Китая Ближнем Востоке или в Северной Африке.

В целом, подход Китая к развитию отношений с соседними государствами обуславливается следующими крупными блоками вопросов: решением территориальных конфликтов, в том числе и проблемы воссоединения с Тайванем; экономической интеграцией со странами Восточной и Центральной Азии; предотвращением усиления роли США в глобальных и региональных процессах, в том числе и противодействием усилиям американского руководства создать вокруг Китая ось «недружелюбных» режимов и антикитайский военно-политический блок.

На фоне затяжного экономического кризиса в Японии, индийско-пакистанского конфликта и ухода после распада СССР из региона России со стороны китайского правительства все более явным становится стремление закрепить за Китаем статус непререкаемого лидера Восточной Азии.

Китайский исследователь, сотрудник азиатско-тихоокеанского подразделения Исследовательского бюро международных проблем в Шанхае Гун Кэюй отмечает: «Восточной Азии не хватает крепкого руководящего центра; важным в процессе регионального сотрудничества является не только то, насколько мощь ключевых стран стимулирует развитие региона, но — наличие согласованности позиций сторон; одно неотделимо от другого, только их сочетание может углубить сотрудничество и сгладить недостаток отсутствия в регионе лидера», — и добавляет: «всякая страна, претендующая на то, чтобы стать ведущей региональной силой, должна отвечать следующим условиям: во-первых, иметь четкое понимание и концепцию развития регионального сотрудничества, во-вторых, обладать относительным или абсолютным преимуществом в регионе» [18. Р. 327].

Реализация задачи выдвижения КНР на место главной региональной державы требует от китайского правительства как стимулирования двусторонних торгово-экономических и военно-политических отношений с соседними странами, так и развития многостороннего формата интеграционного сотрудничества в тесной привязке с повышением имиджа Китая в качестве страны, несущей ответственность за развитие всего АТР.

Иначе говоря, Китаю необходимо искать новые, более прогрессивные и консолидирующие формы ведения диалога и сотрудничества в Восточной Азии и более активно укреплять роль КНР в уже существующих и функционирующих региональных системах.

Одной из таких площадок проведения Китаем политики «мягкой силы» с привлечением к участию в дискуссии по актуальным для региона проблемам России и США стал форум в Боао (о. Хайнань, Китай).

Форум в Боао изначально задумывался как аналог форума в Давосе и одновременно имел более важную цель: в условиях отсутствия в регионе интеграционных объединений наподобие ЕС и структур, отвечающих за выработку общерегиональной стратегии развития, в рамках данной «неправительственной» организации на общественных началах вести поиск новых принципов организации многостороннего сотрудничества в Восточной Азии в самых разнообразных сферах, поскольку АТЭС, по мнению китайской стороны, для этого явно не подходит из-за официального характера организации.

На форуме в последние годы обсуждались не только такие вопросы, как создание зоны свободной торговли «АСЕАН—Китай» и «Китай—Япония—Южная Корея», взаимные инвестиции, валютная интеграция и координация усилий по повышению роли азиатских стран в мировой экономике, но и выработка коллективных мер борьбы со всемирным экономическим кризисом и противодействие торговому протекционизму, большое внимание уделялось теме решения проблемы энергетической безопасности, ставшей для региона во многом ключевой в последние два десятилетия в связи с тем, что практически все страны Восточной Азии являются импортерами углеводородов.

Последняя проблема включает в себя проблему регулирования и определения мировых цен на нефть и газ, обеспечения безопасности маршрутов транспортировки сырья, выработки общих подходов относительно политической обстановки в нефтедобывающих странах и многие другие.

Энергетика, как ни одна другая отрасль, может стать той сферой, где в первую очередь возможно достижение широкого компромисса между странами региона и выработка коллективной позиции, причем не только в геоэкономическом, но и в геополитическом смысле, впрочем, так же как и «камнем преткновения» для общерегионального диалога из-за конкуренции сторон за приоритетный доступ к богатым нефтью и газом регионам Центральной Азии, Ближнего Востока и России.

Получение в 2002 г. права проведения азиатского экономического форума на постоянной основе в Боао дало Китаю дополнительные возможности донести свою позицию относительно экономической интеграции региона, способствовало созданию ЗСТ «АСЕАН—Китай», благодаря форуму отношения между странами стали рассматриваться в свете обозначения приоритета региональной интеграции над развитием двусторонних отношений.

На фоне торможения процессов экономической интеграции в Центральной Азии, так и не увенчавшихся успехом устремлений Китая создать зону свободной торговли в рамках ШОС, на фоне запуска Таможенного Союза России, Беларуси и Казахстана и начала процессов формирования Евразийского Союза активизация усилий по линии «АСЕАН—Китай» стала определенным сигналом: Китай готов искать пути укрепления своих позиций на мировой арене и по другим направлениям помимо центральноазиатского.

С другой стороны, было бы наивно полагать, что китайское правительство так просто уступит место лидера в Средней Азии России, перспектива противостояния разных моделей и форматов интеграции в ЦАР еще далеко не исчерпана (см.: [3. С. 336—337]).

В прошлом году в преддверии форума в Боао на Хайнане также прошел и саммит стран БРИКС, к которому впервые присоединилась ЮАР. С точки зрения перспектив отстаивания единой политической позиции на международной арене многие эксперты скептически относятся к данной организации, но синхронное голосование стран — «золотых слитков», как они называются по-китайски, по Сирии и Ирану в ООН, возможно, заставит мировое сообщество иначе отнестись к данной организации, объединяющей страны, столь разные по своей цивилизационной принадлежности и находящиеся на столь отдаленном расстоянии друг от друга.

Общей целью создания данной структуры является повышение роли стран — участниц объединения в мировых и региональных делах и противопоставление американо-европейскому блоку, прежде всего в мировой финансово-экономической системе. В принятой на саммите в Санья декларации отмечено общее стремление государств БРИКС создать более совершенную и справедливую глобальную валютную систему и способствовать реформированию системы управления мировой экономикой (см.: [22]).

Саммит стал дополнительной площадкой налаживания двусторонних связей между «новыми» мировыми державами, обозначив иной вектор глобального развития в противовес привычному политическому и экономическому доминированию стран Запада.

Для Китая форум БРИКС — это дополнительная возможность напрямую развивать отношения со столь влиятельными в своих регионах странами: с Россией по Европе и Кавказу, с Индией по Южной Азии, с Бразилией по Латинской Америке, с ЮАР по Южной Африке, с Китаем по Дальнему Востоку.

Участие в БРИКС усилит роль Китая и в Восточной Азии, где вплоть до последнего времени сохранялась перспектива интеграции вокруг Японии и японо-американского военно-политического альянса. В глазах многих государств региона подобная вовлеченность в мировые дела очень важна. В выборе между открытым миру Китаем и проводящей под давлением США политику изоляционизма Японией их симпатии все больше склоняются на сторону КНР.

Борьба за доминирование в Восточной Азии в целом и за влияние в отдельных странах между Китаем и Японией в последние годы стала носить ярко выраженный характер, одновременно с этим резко ухудшились и двусторонние японо-китайские отношения, становящиеся все более противоречивыми и даже конфликтными.

Экспертам-синологам хорошо известна общая антипатия Японии к Китаю и, наоборот, Китая к Японии. В японском обществе Китай до сих пор ассоциируют с красной угрозой, в китайском Япония — с бесчинствами времен Второй мировой войны.

Вместе с тем в отношениях двух стран есть и много положительного, например, Китай для Японии является главным рынком сбыта ее продукции, а Япония для Китая — главным наряду с США инвестором, впрочем, в последние годы негативного между двумя главными державами Восточной Азии становилось все больше, особенно в связи раскручиваемым конфликтом по островам Сенкаку, а также активизацией военного сотрудничества Японии с США и по тайваньской проблеме. Да и в вопросе урегулирования на корейском полуострове Япония солидарна с позицией Южной Кореи, в то время как Китай исторически поддерживает коммунистическую Северную Корею, ставшую после развала СССР фактически сателлитом Китая.

Относительно последней проблемы следует сказать, что в Пекине происходящие в отношениях двух Корей процессы зачастую рассматриваются через призму опасений повторения сценария объединения Германии, с последующим развертыванием вдоль китайской границы американских военных баз и последовательным созданием Соединенными Штатами, успешно играющими на противоречиях Китая с соседними странами, антикитайской «дуги сдерживания» в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Не меньшую обеспокоенность у китайского руководства вызывают и последние инициативы российского Президента В. Путина, предлагающего относиться к зарождающемуся Евразийскому Союзу как к части «Большой Европы», концептуально простирающейся, как известно, от «от Лиссабона до Владивостока» (см.: [11]).

Перспектива попасть в геополитические тиски проевропейской и проамериканской сфер влияния, безусловно, носит лишь гипотетический характер, процессы, происходящие в мире, много более сложны, чтобы можно было рисовать столь упрощенную картину, но угроза потерять свое влияние в Центральной и Восточной Азии требует от китайского руководства новых смелых инициатив по поддержанию сложившегося баланса сил в этих двух регионах.

Если будущая геополитическая ориентация России у Китая не вызывает каких-либо особых опасений, ведь для того, чтобы идеи Шарля де Голля и Жана Тириара были воплощены в жизнь, должно произойти слишком много изменений в отношениях между Россией и ЕС, Европейским Союзом и США, Россией и Соединенными Штатами, то создание антикитайской коалиции вокруг оси Япония—США—Индия в Азии более чем реалистично.

Роль Японии в новой региональной стратегии Америки в последние годы становится более независимой, в связи с чем происходит кардинальное изменение японской концепции безопасности, предусматривающее усиление военной мощи Японии и укрепление ее посреднической роли в координации усилий с остальными странами региона, что подкрепляется и соответствующими межправительственными соглашениями (см.: [13. С. 95—112]). Особенно беспокоят Китай попытки США совместно с японскими вооруженными силами создать зону противоракетной обороны на Тихом океане, а также подключение к ней Тайваня и Южной Кореи, а в перспективе и других стран (см.: [5. С. 83—87]).

Особую остроту японо-китайским отношениям придает проблема разграничения акватории Восточно-Китайского моря. Морская граница между Китаем и Японией не урегулирована еще с конца войны.

Дело в том, что в спорных районах, вблизи островов Сенкаку (кит. Дьяоюй-дао) были обнаружены большие запасы нефти и газа. Несмотря на сохраняющиеся противоречия, Китай в последние годы приступил к их добыче, причем в непосредственной близости к линии разграничения зон влияния двух стран. Ответные действия Японии по разведыванию и разработке спорных месторождений привели к резкой критике с китайской стороны и обострению военно-политической обстановки в регионе.

С учетом того, что Японии удалось установить свой контроль над островами, для Китая важно добиться от японского правительства признания существующих противоречий и возобновления переговоров по урегулированию конфликта, желательно с привлечением в качестве третьей стороны Тайваня (см.: [21. Р. 321]).

Соглашение «О принципиальном взаимопонимании в вопросе Восточно-Китайского моря», подписанное двумя странами в 2008 г., перевело проблему в правовое поле и обозначило общие параметры практического сотрудничества по урегулированию спора, однако дальше сторонам продвинуться так и не удалось. После произошедшего в сентябре 2010 г. инцидента с китайским траулером, протаранившим два японских сторожевых корабля при задержании, Китай в одностороннем порядке прекратил все переговоры, а в 2012 г., когда произошла уже целая серия инцидентов и правительствами обеих стран были сделаны крайне резкие заявления, перспектива мирного разрешения конфликта и вовсе стала выглядеть призрачной.

Следует отметить, что особые опасения у Китая вызывают призывы ряда японских политиков разместить на островах Сенкаку локационные и ракетные военные базы, а также пристань для японских подводных лодок, вкупе со стремлением США дислоцировать там свои войска (см.: [17. Р. 247—248]).

По мнению ведущих тайваньских экспертов по вопросам энергетической безопасности Вэй И и Линь Чанчина, главной причиной японо-китайских противоречий в Восточно-Китайском море является не столько борьба за прилегающий к островам Сенкаку нефтяной шельф, сколько за контроль над северной частью так называемой «линии жизни» (Ормузский—Малаккский—Сингапурский проливы, далее через архипелаг Спратли и на север через данный район), поскольку абсолютное большинство транспортных маршрутов, в том числе и поставки нефти и газа с Ближнего Востока в Северо-Восточную Азию, следуют именно этим путем и контроль над островами дает стране, им обладающей, огромное стратегическое преимущество (см.: [19. Р. 48]).

Помимо контроля над акваторией Восточно-Китайского моря, японскую внешнюю политику в регионе также определяют следующие наиболее важные темы: стратегическое партнерство с США и успешное функционирование американо-японского договора безопасности, согласование и укрепление единых политических позиций со странами Западной Европы и АСЕАН, противостояние России по территориальному спору вокруг Курильских островов и тайваньская проблема

(см.: [20. Р. 185—203]). Все они составляют «узловые точки» в непростых отношениях с Китаем.

Российский исследователь, научный сотрудник МГИМО А. Киреева пишет: «Китай в своих притязаниях на лидерство в Восточной Азии выступает конкурентом Японии, выдвинувшей задачу приведения внешнеполитической мощи в соответствие с мощью экономической, в то же время поддержанию стабильности двусторонних отношений способствуют такие внешнеполитические факторы, как японо-американский военный союз и стратегическое партнерство КНР и России; эти факторы препятствуют нарушению регионального баланса и возникновению конфликтных ситуаций» [6. С. 120].

Однако подобный баланс сил нельзя назвать стабильным, он является не более чем сдерживающим и временным по своей сути и в долгосрочной перспективе обязательно будет меняться, поэтому во избежание дестабилизации ситуации в Восточной Азии Китаю и Японии придется искать такой формат двусторонних отношений, который бы отличался, как минимум, предсказуемостью.

Главной проблемой японо-китайских отношений, по мнению китайской стороны, является наличие неких «третьих сил», под которыми подразумеваются США, оказывающих определенное, а порой и решающее воздействие на внешнюю политику Японии, но, на наш взгляд, более правильным будет говорить об отсутствии в регионе многосторонней институциональной базы разрешения имеющихся между странами противоречий с позиции признания равноправия интересов сторон, ведь не существует никаких гарантий, что с устранением «американского фактора» ему на смену ни придет «фактор китайский», «китайская воля».

Основная проблема лежит в плоскости создания эффективных региональных наднациональных структур типа тех, что есть в ЕС, с общими правилами для всех. Безусловно, у европейской модели много минусов и недостатков, но все-таки система отношений, сложившаяся между странами Европейского Союза, является много более совершенной, чем существующая в Восточной Азии.

Очевидно, без создания сильных региональных интеграционных организаций все противоречия, в том числе и в экономической сфере, в частности по созданию зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей, со временем будут только усиливаться. Китайское правительство справедливо указывает на негативную роль Америки в региональных делах, но не предлагает никаких альтернатив, выступая за абсолютный приоритет двусторонних отношений, в которых по мере роста экономической мощи Китая все чаще будет ощущаться присутствие «китайского юаня», постепенно становящегося главным инструментом проведения Китаем своей внешней политики, определенным «рычагом» принятия нужных КНР решений по вопросам региональной интеграции.

Экономическая экспансия Китая во многих странах региона, сильно беспокоящая японское руководство, заставила Токио задуматься о сохранении сложившейся в АТР финансово-экономической архитектуры. По мнению японского руководства, расширительное толкование Восточной Азии с включением в нее Индии, Австралии и Новой Зеландии при создании единой региональной зоны свободной

торговли в противовес китайскому проекту ЗСТ «АСЕАН+3» (АПТ) позволит снизить степень политического влияния Китая, деполитизировать новый союз за счет вхождения в него новых крупных игроков, в особенности Индии, которая многим экспертам все больше начинает видеть в качестве главной альтернативы будущему китайскому господству в Азии.

Исторически китайско-индийские отношения являются весьма сложными, особенно в свете неурегулированного до сих пор территориального конфликта вокруг двух небольших участков в Гималаях, а в последние годы равно как и партнерства, складывающегося у Китая с Пакистаном, в частности, по проектам использования порта Гвардар (см.: [10. С. 18—19]).

С другой стороны, по итогам 2011 г. товарооборот между Индией и КНР достиг рекордных 74 млрд долларов, Китай стал первым торговым партнером Индии. Нельзя окончательно ставить крест и на идее геополитического треугольника «Индия—Россия—Китай», предложенной 15 лет назад выдающимся российским дипломатом Е. Примаковым.

Новый импульс российско-индийско-китайскому сотрудничеству может придать ослабление влияния США в Азии и поворот мировой политической системы в сторону многополярности, впрочем, подобное сотрудничество каждой из сторон пока воспринимается в контексте оказания нажима на США по тем или иным вопросам, нежели необходимости создать альтернативу глобальному доминированию Америки (см.: [14. С. 494—495]).

Улучшение отношений США и Индии в сочетании с активизацией американо-японского сотрудничества все с большей очевидностью обозначает перспективу консолидации усилий трех стран по недопущению выдвигания Китая в качестве лидера азиатской части континента, именно на это и делается ставка японскими стратегами, когда они активно начинают приглашать Индию принять большее участие в интеграционных процессах в Восточной Азии.

Существующее между Японией и Китаем несогласие относительно формата региональной экономической интеграции приводит к тому, что другие страны региона начинают выбирать наиболее оптимальный для них вариант, что мешает общему экономическому развитию АТР.

Японский исследователь, профессор университета Васэда (Япония) Такаси Тэрада пишет: «Япония, озабоченная усилением Китая, добивается проведения саммитов (*АСЕАН* — прим. автора) с участием 16 государств и реализацией многосторонней ЗСТ на базе Расширенной Восточной Азии; различие в распределении ролей между Восточноазиатским саммитом, создаваемым на основе идеи Расширенной Восточной Азии вследствие осознания в регионе растущего влияния Китая, и АПТ (*АСЕАН+3* — прим. автора) окажется неочевидным, поскольку обе региональные организации занимаются сферой экономики, нерезонно в рамках двух структур заниматься одной и той же проблемой региональной интеграции» [16. С. 154—155]. Рано или поздно большинству стран АТР придется решать, соглашаться ли им на японские инициативы или же выбрать китайское предложение, но есть и другой вариант развития событий: регион будет просто поделен на сферы влияния Китая и США по аналогии с послевоенной Европой.

Интересы государств АСЕАН и ВАС настолько различны, что условные политические блоки пока не способны повлиять на геополитическую ситуацию в регионе и на положение тех или иных стран в нем решающим образом, но продолжение экономической интеграции, вывод ее на качественно новый уровень может со временем изменить сложившуюся расстановку сил, однако, как полагает ведущий российский японист, профессор университета Яманаси гакуин (Япония) К. Саркисов, добиться более тесного экономического взаимодействия будет невозможно без политического сближения: «различия в системных параметрах участников рынка пока не являются серьезным тормозом для интеграции: инициаторы Сообщества говорят о нем в первую очередь как об экономическом объединении, но достичь более высокого уровня, который придаст рынку характер „Сообщества“, без системных сдвигов невозможно; деидеологизированность экономических отношений имеет пределы, как и идеологический прагматизм Пекина» [12. С. 174].

Понимая объективные ограничения выработки единой политической позиции государств Восточной Азии на современном этапе, Китай концентрирует свое внимание на обеспечении максимально возможного экономического присутствия в регионе. Китайская внешнеполитическая стратегия предусматривает, что прежде продвижения политических интересов необходимо заложить крепкую «экономическую базу» как в двусторонних, так и в многосторонних отношениях с остальными странами региона. При этом очевидно, что стратегия Китая в дальнейшем будет становиться все более тотальной, с прицелом на вытеснение из региона США, сначала экономически, а потом и политически.

На определенном этапе это потребует активного поощрения процесса отмежевания восточноазиатских производителей от рынков сбыта в Европе и Америке. Китайский политолог Ло Хуэй в этой связи отмечает: «Китай, стимулируя развитие внутреннего потребления и, в целом, экономическое развитие Восточной Азии, снижает экспортную зависимость стран региона от США» [23. Р. 52].

Китайский рынок огромен, и решение допустить на него продукцию из соседних стран может сильно повлиять на их внешнеторговую и внешнеэкономическую политику, а если Китаю удастся создать единый региональный рынок, в котором, заметим, доля Китая будет несравнимо большей, чем у какой-либо другой страны, то позиция Китая станет определяющей при проведении общерегиональной экономической политики, поэтому для Китая сейчас так важно не допустить излишнего «расширения региона».

Япония, понимая слабость своих позиций в борьбе за экономическое лидерство в Восточной Азии, скорее всего, будет искать такие пути укрепления своего положения в региональных делах, которые бы не лежали исключительно в экономической плоскости. Логичным решением проблемы является активизация военно-политического сотрудничества с США, тем более что самостоятельно стать мощной независимой региональной державой стране «восходящего солнца» пока явно не по силам. Как отмечает известный российский ученый-японист, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А. Семин, «на данном историческом этапе Япония, скорее всего, продолжит использовать американское прикрытие для выполнения на-

циональной сверхзадачи: обрести статус влиятельной политической державы, — а в дальнейшем Токио может начать более активно маневрировать в своих отношениях с Пекином и Вашингтоном» [13. С. 200].

Однако не стоит ожидать, что в условиях существующей системы международных отношений внешнеполитический курс Японии может существенно измениться и Япония начнет проводить в отношении Китая более мягкую политику, скорее всего, Токио попытается сформировать независимый центр силы в регионе, а следовательно, японскому правительству придется искать точки соприкосновения с другими крупными государствами Восточной Азии, в особенности с Россией, в последние годы начавшей свое возвращение в регион.

Главный интерес России в АТР связан с развитием российских дальневосточных и сибирских районов, причем по преимуществу вокруг реализации крупных энергетических проектов: ВСТО, Сахалин-1, Сахалин-2 и ряда других. Для успешной интеграции в процессы регионального экономического взаимодействия России необходимо будет одновременно координировать свои усилия как с Японией, так и с Китаем, что является весьма непростой задачей.

С Японией у России до сих пор не урегулирован территориальный спор вокруг Курильских островов, а Китай, по мнению ведущего научного сотрудника Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН В. Балакина, несмотря на наличие партнерских отношений со своим северным соседом по целому ряду направлений, вообще не заинтересован в том, чтобы Россия имела прямой доступ к региону, и стремится вобрать в двустороннее торгово-экономическое сотрудничество с российской стороной весь ее региональный экономический потенциал. В частности, он пишет: «некоторые китайские экономисты называют в качестве предпочтительного пути создание вдоль китайско-российской границы так называемых индустриально-сырьевых дуг, ориентированных на формирование крупных перерабатывающих производств... в противовес китайской модели интеграции РФ в восточноазиатское пространство российскому государству следует разработать собственную дальневосточную доктрину, имея целью не столько достижение экономической выгоды, сколько обеспечение своих геостратегических принципов и интересов» [2. С. 229—230].

Следует предположить, что недавнее создание Евразийского Союза способно оказать свое позитивное воздействие и в этом вопросе: в будущем Китаю придется иметь дело с мощным союзным объединением, а не с каждой страной по отдельности и, следовательно, сообразовывать свою дальневосточную политику в отношении России с центральноазиатской.

Вероятно, в ближайшие годы будет существенно скорректирован внешнеполитический курс Китая и в отношении Тайваня. После прихода к власти в КПК консервативно настроенного крыла компартии китайская политика по тайваньской проблеме, скорее всего, станет более жесткой. Нежелание тайваньской стороны будь то в лице Гоминдана или же Прогрессивно-демократической партии (ДПП) принять концепцию «одна страна — две системы» новым руководством на континенте может восприниматься с большим раздражением. В то же время после

победы на выборах президента Тайваня в 2008 г. Ма Инцзю и возвращения к власти Гоминдана отношения между «двумя берегами» значительно улучшились и терять достигнутый уровень сотрудничества в Пекине точно не желают, особенно в свете предложений «демократов» провести референдум о будущем острова и по его итогам принять решение о провозглашении независимости.

Улучшение китайско-тайваньских торговых отношений, нашедшее свое отражение в подписанном в 2010 г. рамочном соглашении об экономическом сотрудничестве, способствовало последовательному смягчению позиции КНР и по вопросу международной изоляции острова. В. Трифонов, глава Московско-Тайбэйской комиссии (*у России с Тайванем нет дипломатических отношений — прим. автора*) и научный сотрудник центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, отмечает: «КНР следует линии поэтапной и тесной привязки к себе Тайваня, прежде всего, экономическими методами; действия Пекина показывают, что он твердо стал на путь экономической интеграции с островом», в то же время «высокие темпы „экономического сращивания“ с Тайванем, перенос на материк сотен тайваньских предприятий, масштабные тайваньские инвестиции в КНР вызывают растущее беспокойство среди оппозиции на Тайване, считающей, что экономическая интеграция с Пекином может привести к утрате Тайбэем своей „самостоятельности“» [15. С. 163, 157].

Если в 2015 г. на президентских выборах победит представитель демпартии, отношения острова и материка могут вновь обостриться, как это уже было во время правления Чен Шуйбяня.

Сможет ли тогда Тайвань пережить новый виток противостояния с Китаем, сказать сложно, ведь в последние годы отношения острова с соседними странами стали экономически менее интенсивными и менее значимыми, резко упала политическая поддержка тайваньского правительства. Тактика официального Пекина, сочетающая в себе активизацию отношений с Тайванем в экономической и гуманитарной областях (в 2008 г. было открыто прямое авиасообщение с континентальным Китаем, сняты ряд прежних ограничений на посещение тайваньцами и китайцами обеих частей страны) и ослабление позиции тайбэйской администрации как самостоятельного участника интеграционных процессов в регионе постепенно приносит свои плоды: практически уже не осталось стран, поддерживающих с Тайванем дипломатические отношения, да и Соединенные Штаты Америки, и Япония не готовы столь рьяно отстаивать суверенитет Тайваня, как это было раньше.

Несмотря на продолжающееся военно-техническое сотрудничество между Тайванем и США, в случае вооруженного противостояния тайваньской армии и НОАК Соединенные Штаты не пойдут на прямое столкновение с вооруженными силами КНР и не пошлют на помощь Тайбею свои войска. Ведущие российские эксперты по проблемам Восточной Азии М. Крупянко и Л. Арешидзе пишут: «В рамках политики сдерживания США заинтересованы в том, чтобы конфликтующие стороны балансировали в своих отношениях на грани конфликта, но чтобы такое балансирование не перерастало в вооруженное столкновение, Вашингтон

склонен поддерживать дозированную напряженность в тайвано-китайских отношениях» [8. С. 168]. Впрочем, постоянно тлеть этот конфликт не может, рано или поздно наступит его развязка, поэтому взятый гоминдановским руководством курс на сближение с континентом и урегулирование отношений «двух берегов» исторически безальтернативен.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арешидзе Л.Г.* Международные отношения в Восточной Азии. Угрозы и надежды. — М.: Международные отношения, 2007.
- [2] *Балакин В.И.* Китайский взгляд на восточноазиатской региональной интеграции России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [3] *Баров С.А.* Модель политической и экономической интеграции ЕвразЭС в посткризисный период // Диалог цивилизаций: Восток—Запад. Глобализация и мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы XI научной конференции молодых ученых / Под ред. В.Б. Петрова. — М.: РУДН, 2011.
- [4] *Казаринова Д.Б.* Стратегия мягкой силы в политике современных государств // Открывая современность заново: сборник научных статей преподавателей и аспирантов факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, посвященных 15-летию факультета / Под ред. Н.С. Кирабаева. — М.: РУДН, 2011.
- [5] *Каменнов П.Б.* КНР: военная политика на рубеже веков. — М.: ИДВ РАН, 2008.
- [6] *Киреева А.А.* Японо-китайские отношения на современном этапе. Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты // Ассоциация японоведов. — М.: Вост. лит., 2009.
- [7] *Колдунова Е.В.* Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. — М.: Навона, 2010.
- [8] *Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г.* США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». — М.: Международные отношения, 2010.
- [9] *Кутелева А.В.* Новый образ Китая на международной арене // «Мягкая сила» в глобальной политике. Часть I. Региональное измерение. Материалы «Круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2012. — № 4.
- [10] *Лузянин С.Г.* Некоторые аспекты внешней политики в отношении стран «ближнего круга» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — Вып. XV: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [11] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
- [12] *Саркисов К.О.* Восточноазиатское сообщество: центробежные и центростремительные силы (взгляд из Японии) // Ассоциация японоведов. — М.: Вост. лит., 2009.
- [13] *Семин А.В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI века). — М.: ИДВ РАН, 2008.
- [14] *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. — М.: Памятники исторической мысли, 2008.
- [15] *Трифонов В.И.* О развитии диалога между Пекином и Тайбэем и его влияние на китайско-американские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2010.
- [16] *Тэрада Т.* Восточноазиатский регионализм и Япония: формирование понятий региона и инициативы по их закреплению // Ассоциация японоведов. — М.: Вост. лит., 2009.

- [17] Gao Lan Hezuo yu chongtu lilun shiye zhong de ZhongRi donghai youqitian gongtong kaifa yanjiu // Hou weiji shidai de shiie zhixu zhonggou / Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan. — Beijing: shishi chubanshe, 2011.8.
- [18] Gong Keyu DongYa huobi jinrong hezuo: chengjiu yu zhanwang // Guoji huanjing yu Zhongguo de heping fazhan / Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan. — Beijing: shishi chubanshe, 2007.
- [19] Lin Changqing, Wei Yi Zhongguo shiyou waijiao celue tansuo: jian lun anquan zonghe tixi zhi lilun yu shiji. — Taipei, 2008.09.
- [20] Ishida Osamu Chugoku no dai senryaku: dare mo kakanakatta Chugoku no shinso. — Tokyo: Kojinsha, 2006.
- [21] Jin Yongming Liangan diaoyudao lieyu zhoubian haiyu zhifa hezuo jizhiyanjiu // Hou lengzhan shidai ouya guoji guanxide yanjin./ Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan. — Beijing: shishi chubanshe, 2011.4.
- [22] Jin zhuan guojia lingdaoren di san ci huiwu «Sanya xuanyan» (quanwen). URL: <http://news.sina.com.cn/c/2011-04-14/134122292473.shtml>
- [23] Luo Hui Wailaizhe haishi neiburen. Meiguo, Zhongguo he DongYa de zhanlue hudong fenxi // Hou weiji shidai de shiie zhixu zhonggou / Shanghai shehuike xueyuan shijie jingji yu zhengzhi yanjiuyuan. — Beijing: shishi chubanshe, 2011.8.

CHINESE POLITICAL STRATEGY IN EAST ASIA

Part I

S.A. Barov

The Department of Comparative Political Studies
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the actual problem of transformation of foreign policy strategy of China in Eastern Asia during the last years. The main aspects of Chinese policy in the region are domination of economic approaches and practical embodiment of “soft power” concept. China seeks to transfer reviews about problematic points in economical interaction with the region’s countries and decisions about territorial disputes from the multilateral level to bilateral level, furthermore actively counteract to the policy of the USA and Japan, trying to make an “anti-sin coalition” from the perspective of institutional design within the political-military organization by the type of NATO.

Key words: foreign policy strategy, political-military alignment of forces, economic policy, Boao forum for Asia, BRICKS, China, USA, Japan, South Korea, Russia, Taiwan.